

БЕНЕФИС

Вадим Абдрашитов и Александр Миндадзе. Эти имена всегда вместе. Иногда — через черточку: Абдрашитов-Миндадзе. Их приводят в пример: как образец идеального взаимопонимания сценариста и режиссера, как редкий случай счастливой кинематографической судьбы. В общем, как нечто в целом нетипичное, хотя и похвальное.

Миндадзе не миновали те же организационно-финансовые проблемы, что и всех: впервые за все предыдущие годы временной разрыв между предыдущей картиной «Армавир» и новой, «Пьеса для пассажира», составил 4 года. Но жизнь продолжается. Фильм «Пьеса для пассажира» закончен и отобран в конкурсную программу Международного кинофе-

фильм» в объединение М. И. Ромма и Ю. Я. Райзмана. Я стал искать сценарий для первой полнометражной картины. Прочел множество сценариев: среди них попадались весьма яркие, впоследствии экранизированные. Но все это было, что называется, «не

И вот как-то сделали девять картин за двадцать лет.

А. Миндадзе: — Нас связывают прежде всего общие представления о мире. Поэтому и работаем вместе. Нам интересно друг с другом, потому что мы — единомышленники.

— Были ли у вас разоча-

дыдущие. Все наши фильмы объединяет — в широком смысле — общее мировоззрение. А стилистически они все разные. И эта постоянная новизна помогала не надоедать друг другу.

А. Миндадзе: — Нет, ничего подобного не возникало, так как, смею полагать, мы все время двигались вперед. Работа была — в движении. Поэтому мы

в очередной раз не поступив, не расстраивался. Я знал, что все равно рано или поздно буду заниматься кино и только кино.

А. Миндадзе: — Я поступил туда, куда хотел. Хотя — до ВГИКа было также намерение и в Литинститут. И я надеюсь, что мои литературные мечты тоже осуществятся. Что же касается кинематографических замы-

Вадим АБДРАШИТОВ,
Александр МИНДАДЗЕ:

«НАМ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»

Однако творческий дуэт Абдрашитов-Миндадзе существовал и существует отнюдь не в идиллической атмосфере. За двадцать лет совместной работы было все, что положено: постановочные трудности, столкновения с Госкино, и другими властями, цензурные купюры. Не все их картины были приняты доброжелательно. И сейчас Абдрашитова и

Миндадзе в Берлине. В «Доме Ханжонкова» прошла ретроспектива Абдрашитова-Миндадзе. Корабль плывет!

— Почему вы вместе столько лет?

В. Абдрашитов: В 1974 году я неожиданно закончил ВГИК — защитился своей курсовой работой «Остановите Потапова!» Меня энергично приняли на «Мос-

фильм». Совершенно случайно на Центральной сценарной студии нашелся сценарий «Защитник». Тут мне вспомнилось, что когда-то на вгиковском фестивале мы оба получали призы за свои студенческие картины: я — за «Репортаж с асфальта», а Миндадзе за сценарий фильма «Это были мы». Сценарий понравился, и мы сразу приступили к работе.

рования друг в друге, не возникало ли желания найти другого соавтора?

В. Абдрашитов: — Не было. Работаем мы довольно плотно. И вдобавок к тому — подружились. По-человечески. «Долгожительство» нашего тандема объясняется еще и тем, что в каждом фильме мы ставим перед собой какие-то новые задачи, непохожие на пре-

дущим друг другу не надоели.

— Были ли у каждого из вас до поступления во ВГИК какие-то свои личные творческие планы? Осуществились ли они?

В. Абдрашитов: — Нет, каких-то определенных личных планов не было. Просто любил кинематограф как таковой. Долго готовился к работе в кино, поступал во ВГИК несколько раз. И,

слов, то благодаря встрече с Вадимом Абдрашитовым они все реализовались. Я в кино сказал то, что хотел сказать.

— Двадцать лет назад вы оба пришли в советское кино, а теперь работаете в кинематографе, который называют то российским, то постсоветским. Была ли у

(Окончание на 10-й стр.).

9.2.95.

(Окончание.
Начало на 4-й стр.)

вас — в результате всех недавних потрясений — некая переоценка идеалов двадцатилетней давности!

В. Абдрашитов: — Нет. Никаких переоценок не было. Тем более, что — я считаю — ничего особенного в жизни и не произошло! Никаких кардинальных изменений. Поменялись таблички на дверях начальников. Коммунисты перекрасились в демократов, демократы обзывают некоммунистов фа-

В хорошем смысле этого слова.

А. Миндадзе: — В принципе в смысле — я сделал бы все то же самое. Только, наверное, не терял бы столько времени зря. Больше бы работал. Больше бы писал.

— В ваших фильмах часто чувствуется тоска по какому-то яркому, действительному поступку. А в жизни — и в вашей собственной, и вокруг вас — было ли такое! Встречались ли вам люди, глядя на которых, хотелось если не подражать,

рите. Были и есть такие люди.

— Изменились ли люди в результате катаклизмов, свидетелями и участниками которых мы были!

В. Абдрашитов: — Нет, я этого не чувствую. Человек остался человеком. И каждый человек остался тем, что он был и есть. Просто время усложнилось. И условия жизни стали античеловеческими. А человек слаб. И люди подчас стали проявлять свои отнюдь не лучшие качества. Вообще — чем сложнее время, тем сложнее существовать человеку. Иной мог бы прожить свой век в более спокойных обстоятельствах — и плохие

принято называть интеллигенцией, проявила просто нравственную нестойкость. В прямом смысле. Нестойкость поведения в сложных ситуациях, нечеткое ориентирование в сложное время. Ни совестью народа, ни передовым отрядом не назывешь современную интеллигенцию. Человек с зашоренными мозгами вряд ли имеет право считаться интеллигентом. Надо быть информированным и не питать никаких иллюзий. А что касается зависимости, на которую некоторые склонны ссылаться, — это прежде всего связано с нравственными принципами. В итоге мы имеем то, что ни одно об-

знан приоритет гражданских ценностей, не будет построено то, что называется гражданским сознанием.

А. Миндадзе: — Конечно, люди изменились! Произошел разлом. Лыдина откололась, куда-то поплыла. Люди осваивают новый образ жизни. В них открылось много нового. К сожалению, и дурного тоже. Ранняя стадия развития капитализма вызвала в жизни алчность, жажду приобретательства в массовом масштабе. Это, по моему убеждению, для российского человека неестественно. Но — будем смотреть в будущее с оптимизмом.

— Представьте себе, что

фессию.
— А что надо сохранить во что бы то ни стало!

В. Абдрашитов: — Высочайший уровень профессионализма. Мастерства с большой буквы. Уровень мастерства лучших фильмов советских лет чрезвычайно разительно отличается от того, что заполняет современные экраны. Мастера советского киноискусства «сбрасываются с парохода современности» нынешними дилетантами. Людьми, которые такими мастерами

Вадим АБДРАШИТОВ, Александр МИНДАДЗЕ

«НАМ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»

шистами. Идет терминологическая война. А суть осталась прежней: некая, скажем так, прослойка, которая занималась перераспределением благ и продуктов, стала... несколько иной. И — более многочисленной. Все прочее осталось прежним. Только — тенденции превратились в процессы, многое тайное стало явным. Всего-навсего. Не более того. Никакой переоценки не произошло. Да и не могло произойти. Нас по-прежнему интересует человек — во времени, в котором он живет. Нам важен человек, а не обманчивое ощущение каких-то процессов в жизни общества.

А. Миндадзе: — Нет, конечно! Потрясения мы испытывали всегда и давно. И пытались осмыслить их, выразить языком кинематографического образа. Следуя чеховской традиции («люди пили чай, и почему-то хотелось им плакать»), мы показывали те тайные человеческие связи, которые подобны айсбергу: одна десятая на поверхности, девять десятых — под водой. И все самое главное — в подтексте. Такой язык мы выбрали не только из-за цензуры. Это просто органичная для нас манера выражения. Мы никогда не ударялись в чистую публицистику. Жили внутренними представлениями, в системе собственных ценностей, а не навязанных. Поэтому и переоценки не было.

— Что бы вы сделали (или не сделали), если бы — как в кино — прокрутить время назад, в 1975 год, и начать жизнь сначала!

В. Абдрашитов: — Ничего другого я не стал бы делать. Делал бы то, что делал. Время быстро бежит, и многое скрытое обнажается. Но при этом ни с одной картины мы бы сейчас не сняли наши имена. И ни за одну из них нам не стыдно. Мы подписываемся под ними и сегодня. Снимали бы, как снимали. И — про то же. На мой взгляд, сюжетные коллизии, использованные в наших фильмах, не исчезли из жизни. Даже в тех картинах, где они наиболее ярко выражены — «Слово для защиты», «Охота на лис». Способ реализации коллизий в сюжете был выбран правильный: многое ведь до сих пор звучит, если не злободневно, то, по крайней мере, современно.

то, по крайней мере, сказать: «Эх, молодец! Жаль, что я так не могу!»

В. Абдрашитов: — Во всех наших картинах речь идет о поступке. Или — наоборот: отсутствие категории «поступок», невозможность совершения поступка («Слово для защиты», «Поворот») как бы от обратного (выражаясь языком математики, «от противного») доказывает необходимость поступка. Я в жизни совершил те поступки, которые считал нужным совершить.

А в творчестве... Я — благодарный зритель. Люблю разное кино и отдаю должное мастерству разных режиссеров. Они как-то помогают мне самому «держаться на плаву». Но в том, что делаем мы с Миндадзе, у нас не было никаких подражательных рефлексов. Мы делали свое кино.

А. Миндадзе: — Конечно. Таких людей я встречал. Могу «с ходу» назвать. С ними довелось работать: Олег Борисов, Юрий Райзман (он был художественным руководителем нашего объединения на «Мосфильме»). Мне посчастливилось быть знакомым с Владимиром Яковлевичем Лакшиным. Да, были люди, которые вызвали и вызывают глубокое уважение. Это очень важно — знать, что есть кто-то лучше тебя. Тот самый пример для подражания, о котором вы гово-

ОХОТА НА ЛИС

качества не проявились бы вовсе. Как та «спящая почка» у Дудинцева. Сейчас людьми владеет общее чувство тревоги, ощущение движущейся опасности. И это — не самая благоприятная атмосфера, в которой могли бы произрастать человеческие добродетели. Если что-то — ну, не то что бы удивило, но... словом, та часть общества, которую

щество, ни одно государство не смогло так дискредитировать демократию, как мы с вами. Это ведь — надо умуудриться! Следует признать, что любое здоровое общество построено на общечеловеческих ценностях. А наше общество очень политизировано. Отсюда — корпоративность среди интеллигенции и коррупция в верхах. Пока не будет при-

перед вами — молодой, начинающий кинематографист. Как вы сами двадцать лет назад. Он ждет от вас некоего напутственно-благословляющего слова. И вам почему-то кажется, что вот в сей самый случай слово ваше будет услышано и исполнено. Что бы вы ему сказали! Например: от каких иллюзий надо в первую очередь отказаться!

В. Абдрашитов: — Это зависит от того, что хочет делать молодой кинематографист — профессиональное кино или искусство. Не в обиду первой категории будь сказано! Кинематограф по природе своей должен быть киноиндустрией. Но, наверное, должно существовать и кино как большое искусство. И, если начинающий режиссер вознамеревается служить большому искусству, могу только процитировать Бальзака: «Главное в искусстве — терпение». Терпение и выдержка. Суетиться не надо.

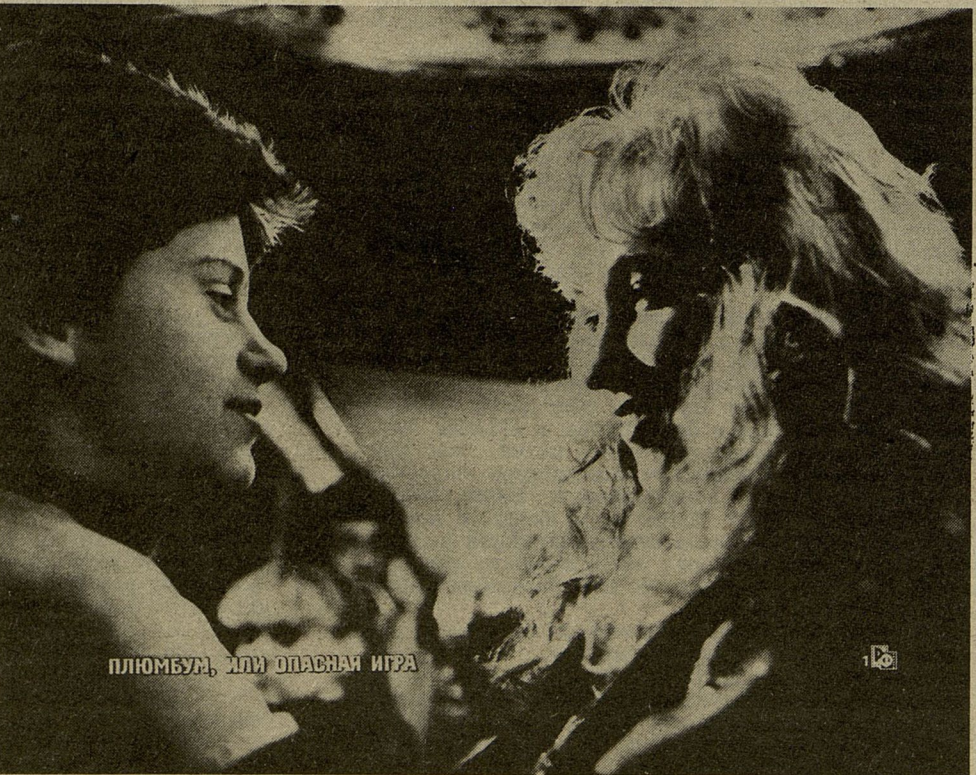
А. Миндадзе: — Непростой вопрос. Надо отказаться от иллюзий собственного могущества. От ощущения того, что тебя «никто не делал», что ты открываешь Америку. Конечно, такая эйфория неизбежна! На то и молодость. Но — до определенного предела. Впрочем, режиссеру, наверное, и нужна какая-то мания величия. Это входит в про-

никогда не были и не могут быть. Важно и то, что лучшие наши фильмы отличал высокий гуманизм. Мастерство и гуманное начало — вот что привлекало зарубежного зрителя и порождало зарубежного критика. Это и нужно в первую очередь сохранить.

А. Миндадзе: — Молодым сценаристам я бы посоветовал — продолжать традиции отечественной драматургии. Сохранять то лучшее, что свойственно произведению Е. Габриловича, Н. Рязанцевой, Г. Шпаликова, Ю. Клепикова. Сейчас это уходит, девальвируется. Надо обязательно сберечь лучшие традиции нашей кинодрамы и кинопрозы.

Хочется верить — почему! — что Абдрашитов и Миндадзе еще не сняли «самый свой» фильм. Такой, чтобы без него невозможно было бы представить себе кино девяностых годов, как невозможно представить семидесятые без «Слова для защиты», а восьмидесятые — без «Парада планет». Чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло. Наверное, эта картина еще впереди. Ведь — двадцать лет всего. Какие наши годы!

Беседу вела
Юлия ХОМЯКОВА.

ПЛОМБУМ, или ОПАСНАЯ ИГРА